

Исторический реализм Фукидида о проблеме войны

Вклад Фукидида в теорию международных отношений

Павел Цыганков

Не будет преувеличением сказать, что центральным вопросом как теории, так и практики международных отношений и всего мирового развития является вопрос о войне и мире.

Этот вопрос по праву занимает важнейшее место в мировой политике, находится в центре внимания руководителей государств, международных институтов, СМИ и мирового общественного мнения.

С глубокой древности величайшие умы человечества пытаются постигнуть и преодолеть причины ненависти, доводящей людей до взаимного уничтожения и разрушения плодов цивилизации. При этом свойственная войнам иллюзия ясности всегда оставалась обманчивой, поскольку они постоянно меняли свой облик, а множественность их причин не оставляла возможности для исчерпывающего понимания их сути и, следовательно, путей достижения «вечного мира».

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века получают распространение взгляды, согласно которым в международной политике происходят

коренные изменения сущностного характера.

Во-первых, с преодолением биполярного противостояния появилось

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: tsygankp@mail.ru

Ключевые слова: Фукидид, исторический реализм, причины войны, природа человека, теории международных отношений, мировая политика.

убеждение, что борьба за власть на международной арене утрачивает свою актуальность. Военное могущество теряет эффективность и поэтому становится все менее применимым. Уходят в прошлое такие причины войны, как унаследованные из Вестфальской международной системы попытки «революционных» государств изменить имеющееся соотношение сил, или же наоборот, стремления «консервативных» держав сохранить его, противодействуя подобным попыткам¹.

Во-вторых, распад Советского Союза создал впечатление, что война «ушла» из мировой политики и наступила эра мира, знаменующая собой «конец истории» как всеобщее согласие всех стран и народов с западными идеалами либеральной демократии и индивидуальных свобод. Когда же, спустя совсем немного времени, стало фактом увеличение числа вооруженных конфликтов с участием негосударственных акторов, возникло ощущение, что «вернувшаяся» война настолько мало похожа на ее известные и привычные виды (такие, как борьба государств за колониальное господство, завоевание территорий, порабощение народов, обложение их данью и т.п.), что «традиционные» войны между государствами нужно считать исчезающими с поля международной политики².

Наконец, *в-третьих*, возросшая с окончанием холодной войны взаимозависимость усилила взаимопроникновение внутренней и внешней политики, что стало трактоваться как неодолимая тенденция к стиранию всяких различий между ними.

Однако уже первое десятилетие XXI в. показало, что в обозримом будущем человечество не ожидает ни радикально более мирные, ни тем более «безгосударственные» международные отношения. Вторжение новых акторов в мировую политику не стало началом

вытеснения государства на второстепенные позиции. Крупнейшие события международной жизни (военная агрессия США против Ирака, напряженность между Северной и Южной Кореей, территориальный спор Индии и Пакистана по поводу штата Джамму и Кашмир, наконец, Пятидневная война на Кавказе в августе 2008 г.) свидетельствуют о том, что традиционно присущие государствам материальные (военное могущество, равновесие сил, экономический рост) и нематериальные (соображения престижа, страха, идентичности) интересы продолжают оставаться в числе основных движущих сил международных отношений.

С другой стороны, транснациональный терроризм, пиратство, столкновения на этнополитической почве, ценностные противоречия, «немеждународные конфликты низкой интенсивности» и, конечно, так называемые асимметричные конфликты оказываются связанными, пусть не всегда видимыми и явными, но от этого не менее прочными и долговременными нитями либо с внешнеполитическими устремлениями, либо с внутренним состоянием тех или иных стран, либо с тем и другим одновременно. Приватизация войн отражает слабость «несостоявшегося» или «падающего» государства, неспособного контролировать собственную территорию и преодолеть внутренние распри, а международный терроризм и «асимметричные войны» используются великими державами в борьбе за региональное, либо мировое политическое лидерство.

Возрастающее в условиях взаимозависимости мирового развития сближение внутренней и внешней политики не ведет к исчезновению различий между ними и не обещает окончательного вытеснения межгосударственных войн из практики международных взаимодействий.

Как справедливо писал Р.Арон: «До тех пор, пока человечество не объединится во всемирное государство, будет сохраняться существенная разница между внутренней и внешней политикой. ...Искусство политики учит людей жить в мире внутри сообществ и учит сообщества жить либо в мире, либо ведя войну»³.

Вот почему нас и сегодня интересует то, что писали о войне и мире величайшие умы политической мысли прошлого, в том числе (а в каком-то смысле, прежде всего) Фукидид. Как справедливо подчеркивает Д.Батистелла, подобно тому, как вся последующая философия представляет собой бесконечный диалог с Платоном, так и теория международных отношений – это вечный диалог с Фукидидом⁴.

Действительно, древнегреческий историк одним из первых (по крайней мере, в истории западной международно-политической мысли) сформулировал целый ряд важнейших положений, которые заложили основы дальнейшего развития теории международных отношений.

Именно в этом своем качестве он интересен и в наши дни.

В более узком смысле Фукидид стал основоположником одного из наиболее влиятельных течений в теории международных отношений – исторического реализма*.

Дав подробный анализ Пелопонесской войны, он «изложил распри и причины, вследствие которых мир был нарушен» (I, 23, 4)**, исследовал мно-

гочисленные поводы крупнейшего вооруженного конфликта своего времени, заложив тем самым основы одной из ведущих традиций последующего изучения не только самого феномена войны, но и международной политики в целом.

Достоинством его исследования стало неуклонное стремление к объективности и точности, упорный поиск истины. Описывая факты и раскрывая глубинные причины событий, он отклонял все, что связано с предположениями, мифами и слухами, полагаясь на собственные наблюдения, достоверные свидетельства и документы (I, 20, 21, 22; V, 26).

Такой подход позволил ему поставить фактически все основные вопросы, касающиеся теории международных отношений, которая сформировалась в относительно самостоятельную дисциплину лишь в начале XX в. В числе прочих это и вопрос о самой сути международных отношений, как сфере непредопределенных обстоятельств и борьбы интересов, где безопасность обеспечивается военной мощью и где господствует сильнейший.

Фукидид подчеркивает, что на момент начала описываемой им войны Афины и Спарта находились на вершине своего могущества и процветания, могли торговать и сотрудничать к взаимной пользе. Вместо этого они втягиваются в вооруженное противостояние, в которое включаются и все остальные греческие города, выступая на одной или на другой стороне. Война охватила также часть варварских наро-

* В XX в. представителями этого течения стали Э.Карр, Дж.Кеннан, Г.Моргентау, Р.Арон, Г.Киссинджер и др. известные ученые. В более узком смысле это течение называют еще эмпирическим реализмом⁴.

** Здесь и далее ссылки на «Историю Пелопонесской войны»⁵ Фукидида приводятся в соответствии с нормами, отвечающими правилам пагинации текста, независимо от времени и места его издания.

дов. Ее протяженность во времени, масштабы человеческих жертв и катастроф, превзошли все войны, которые велись до того дня*.

Задавшись вопросом о причинах такого развития событий, Фукидид детально проанализировал поводы войны – конфликты между Коринфом и Мегарой из-за Керкиры, Эпидамна и Халкидики. Последовательно, хронологически точно изложив события войны, он приходит к следующему выводу: «Лакедемоняне признали нарушение мира и необходимость войны не столько под влиянием речей союзников, сколько из страха перед афинянами, как бы могущество их не возросло: они видели, что уже большая часть Эллады находится в подчинении у них» (I, 88). Поэтому, подчеркивается в его «Истории Пелопонесской войны», «истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасения лакедемонянам и тем вынудили их начать войну» (I, 23, 5).

Речь идет о том, что своим возвышением, ростом военного могущества, привлечением (в том числе и насильственным) к союзнчеству с собой более мелких городов-государств, Афины разрушают существовавший до этого баланс сил. Эта экспансия Афин вызывает столь же естественное стремление Спарты сохранить сферу своего влияния. В результате оба полиса втягиваются в «конфликтный цикл», который в конечном итоге и привел их к войне.

В наши дни биполярное противостояние двух сверхдержав балансировавшее на грани термоядерной

войны, уже в прошлом. Существуют бесспорные ограничения для использования силы и единственной военной сверхдержавы: это наличие международных институтов, это мировое общественное мнение, это чреватая падением собственного престижа невозможность сокрытия военных преступлений от других стран и народов (при всей относительности каждого из указанных факторов), это, наконец, и самое главное, наличие ядерного оружия у других государств.

Выявился и целый ряд новых количественных и качественных тенденций в эволюции вооруженных конфликтов:

- снижение числа «больших» войн (происходящих между великими державами);

- уменьшение случаев вооруженных конфликтов за завоевание территорий;

- фактическое исчезновение войн, направленных на покорение народов;

- выдавливание войн на «периферию» и «полупериферию» мировой политической системы.

Бесспорно и то, что происходит смена типа войн: ядерная революция меняет их содержание, делая войну «до победного конца», до полного уничтожения противника практически невозможной.

На этой основе многие представители либеральных взглядов, ссылаясь на *технологические, экономические, стратегические, юридические и политические факторы*⁷, считают, что межгосударственные войны не только преодолимы, но и фактически, во многом уже преодолены.

С этой точки зрения, в *технологической* области, речь идет о достижении этими странами Запада в целом и США,

* Определенное представление о масштабах войны дает уже то, что она длилась 27 лет, а также то, что по некоторым, весьма приблизительным подсчетам число жителей только на территории, подвластной одной из сторон этой войны – Афинам, доходило до 10–15 млн. чел.

в частности, такого превосходства в военном потенциале над всем остальным миром, который отбивает охоту к агрессии у любого возможного противника.

Взаимозависимость, с одной стороны, а с другой – дороговизна современных вооружений лежат в основе *экономических* условий продвижения «к вечному миру».

В *стратегическом* плане в постбиполярном мире ни одной стране, которая хотела бы развязать войну, не гарантирована автоматическая поддержка со стороны великой державы, без союзников же любая такая попытка рискует потерпеть провал, тем более что ни одно государство в мире, включая США, не обладает полной автономией в области производства и технического обслуживания новейших видов вооружений.

В *правовом* отношении война во всех случаях, кроме легитимной обороны против агрессора, является незаконной. Поэтому сегодня, при всем несовершенстве международно-правовых механизмов, давление со стороны сообщества наций, бесспорно, оказывает огромное влияние на поведение государств.

Наконец, *политическим* ограничителем межгосударственных войн является распространение демократических режимов в мире после падения СССР.

Очевидно, что каждый из приведенных аргументов уязвим.

Так, военно-техническое превосходство США и НАТО в Афганистане пока не приносит ощутимых результатов в борьбе против нового, остающегося неуловимым противника, ведущего диверсионно-террористическую войну. Более того, по существу оно отнюдь не является фактором мира. Явно смещенный баланс сил и вытекающая из этого неуравновешенность США по-

рождает у них ощущение неуязвимости, соблазняя на военные авантюры в отношении других государств. США стоят теперь перед лицом мира, как когда-то Афины перед Митиленой⁸: “Что касается божьей милости, у нас нет причин беспокоиться. Мы не будем повержены” (Фукидид, V, 105).

Не менее спорным является «экономический» аргумент. Сегодня уже ясно, что глобализация углубляет разрыв между развитыми и отсталыми странами. Взаимозависимость растет, но она носит ассиметричный характер.

Как отметил Дж.Най, «11 сентября драматически продемонстрировало, как ужасающие условия в бедных, слабых странах на другом конце света могут вызвать страшные последствия для США»⁹.

Иначе говоря, особенности экономических процессов современного мира – причина не отмирания, а возрождения войн.

«Стратегический» аргумент уязвим по той же причине, что и «технологический»: «нерациональность» агрессии не остановила Саакашвили от вооруженного вторжения в Южную Осетию, а поддержка со стороны могущественного союзника не спасла грузинские войска от разгрома.

Что касается *международного права*, то оно всегда было и остается в наши дни фиксацией имеющегося в данный момент соотношения сил на международной арене¹⁰. Не случайно его слабая роль как фактора, удерживающего от военного нападения, со всей очевидностью проявилась в НАТОвских бомбардировках Югославии (1999 г.), как и в вооруженной интервенции США в Ирак.

Поэтому и сегодня актуален вывод Фукидида, согласно которому «Право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает» (V, 89).

По меньшей мере, предметом дискуссий является и «решающий» аргумент в пользу отмирания войн – политический. Суть этого аргумента в том, что чем больше демократий в мире, тем меньше вероятность межгосударственных вооруженных конфликтов.

Однако, как пишет Ж.Аттали: «некоторые нации могут перестать быть демократиями, чтобы развязать войну»¹¹.

В свою очередь, Г.Саламе отмечает, что «все зависит от качества демократий»: некоторые из них (например, Израиль развязывал войны в 1967 г. и в 1982 г.) не были в полном смысле оборонительными¹².

В таких условиях преодоление (многосторонних) войн и достижение «вечного мира» – в том числе и посредством повсеместного распространения демократии, представляется достаточно проблематичным.

Следует признать преимущества исторического реализма Фукидида по сравнению не только с различными вариантами либерализма, но также и по сравнению со структурным, наступательным и неоклассическим реализмом. «Научность» этих новейших версий теории политического реализма не только не решила ряда вопросов, которые поставил Фукидид, но и ушла от них.

Критики справедливо указывают на ряд недостатков неореализма Кеннета Уолца по сравнению с классической версией реалистского течения, основные положения которой и были заложены Фукидидом. Так, например, в онтологическом плане наиболее слабым местом неореализма считается чрезмерное упрощение действительной картины международных отношений:

– сведение их к взаимодействию великих держав;

– положения о фактической вечности анархической структуры междуна-

родных отношений и перераспределении властных способностей как их единственно значимом изменении;

– недооценка способности государств инициировать радикальные сдвиги в международной политике;

– наконец, утверждения о большей стабильности биполярного мира, нежели многополярного, которые рассматриваются как оправдание реалий холодной войны и стремление сохранить их в будущем.

В концептуальном плане спорными считаются положения неореализма:

– о функциональной недифференцированности государств в международной системе;

– о взаимодействии между системой и ее составными частями;

– о роли возможности абстрагировать международную систему от других сфер, в частности, экономики и культуры;

– о приоритетности вопросов власти и безопасности в ущерб ценностям, верованиям и традициям.

В данной связи сторонниками политического реализма были предприняты попытки создания его новейших версий, которые нашли отражение в появлении таких теорий, как, например:

– теория гегемонической стабильности Р.Гилпина;

– теория баланса угроз С.Уолта;

– теория наступательного реализма Дж.Миршаймера или же теория неоклассического реализма Р.Швеллера, Т.Кристенсена, Ф.Закария и др.

Однако во многих аспектах картина, представленная Фукидидом, выглядит гораздо более многоцветной и объемной, чем у современных представителей политического реализма.

Так, например, античный историк увязывал в единое целое внешне- и внутривнутриполитические причины войны, исследуя все ключевые проблемы афин-

ской и спартанской политики. Он подчеркивал, что война за общегреческую гегемонию обострялась тем, что спартанцы во всех полисах поддерживали аристократов и олигархов, а афиняне оказывали помощь демократическим группам.

Поэтому в составе причин войны сыграло свою роль то, как отмечает Смирнитский: «Власть в обоих полисах заметно пошатнулась, в большей степени это было заметно в Афинах как в полисе демократическом, но и в Спарте ситуация была нестабильной... В случаях некоторой неустойчивости власти, правителям зачастую необходима победоносная война, укрепляющая, в случае победы, их власть. Именно такую войну объявили друг другу Афины и Спарта, утянув за собой участников Пелопоннесской симмахии и архэ соответственно»¹³.

А через две с половиной тысячи лет подобную победу попытался добыть режим Саакашвили в вооруженной агрессии против Южной Осетии...

И все же не это стало главной причиной войны. Фукидид и в самом деле отмечал роль внутривластной борьбы в углублении уже бушующего конфликта, показывая все ужасы и ожесточения, до которых доходила междоусобная распря: «... Действительно, впоследствии вся Эллада, можно сказать, была потрясена, потому что повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем представители первой призывали афинян, представители второй лакедемонян» (III, 82,1).

В то же время историк подчеркивал, что: «В мирное время эти партии не имели бы ни повода, ни подходящих данных призывать тех или других; напротив, во время войны привлечение союзников облегчалось для обеих враждующих сторон, коль скоро та или иная из них желала произвести

какой-либо государственный переворот с целью тем самым причинить вред противникам и извлечь выгоду для себя» (III, 82,1).

И добавлял: «Источник всех этих зол – жажда власти, которой добиваются люди из корысти и любви к почестям... Лица, не принадлежавшие ни к одной партии, истреблялись обеими сторонами...» (III, 82).

В данной связи важно отметить, что наряду с материальными причинами войны (сила, могущество, нарушение баланса власти) Фукидид указывал и на идеальные мотивы и ценности: соображения почета, чести, ответственности перед прошлыми и будущими поколениями, стремление к гегемонии или, наоборот – к избавлению от нее (например, I, 144, 3–4).

Вот как объясняли афиняне свое усиление, нарушившее равновесие власти в Элладе: «Мы вынуждены были довести нашу власть до теперешнего состояния прежде всего самим стечением обстоятельств, больше всего из страха перед персами, потом из чувства чести, наконец, ради наших интересов» (I, 75,3).

В другом месте они говорят о влиянии «трех могущественнейших стимулов: чести, страха и выгоды» (I, 76, 1).

Как мы уже видели, Фукидид неоднократно подчеркивает слабую роль права в отношениях между государствами (полисами).

При столкновении права и силы побеждает всегда вторая.

Основой подобного положения вещей является человеческая природа: «Повсюду, где люди имеют силу, – настаивают афиняне, – они властвуют по непрерываемому велению природы. Не мы установили этот закон, не мы первыми применили его; мы получили его готовым и сохраним на будущее время, так как он будет существовать вечно... Учитывая то, что можно предположить о богах, и что мы с уверенностью знаем о людях, и те, и другие подчиняются неизбежно закону природы, который толкает их доминировать над дру-

гими всякий раз, когда они сильнее» (V, 105).

Все это не означает, однако, что древнегреческий историк является апологетом войны, как и того, что он отрицал необходимость соблюдения нравственности в отношениях между государствами.

Фукидид действительно считает, что насилие и война – неизбежные спутники отношений между государствами. В то же время он вполне определенно высказывается о разрушающих для нравственности последствиях войны и предпочтительности мира.

«Во время мира и процветания как государство, так и частные лица в своих поступках руководятся лучшими мотивами потому, что не связаны условиями, лишаящими их свободы действий. Напротив, война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей в повседневной жизни» (III, 82).

Вместе с тем, предвосхищая М.Вебера, Фукидид отличал политическую мораль от обыденной.

Критерием первой является умеренность. Конечно, движущей силой всех человеческих действий является интерес, однако человек должен контролировать и умерять свои эгоистические страсти. Именно умеренность представляет собой основное достоинство, которое, по Фукидиду, в сочетании с разумностью, придает моральность политическим действиям.

Поэтому «преуспевает больше всего тот, кто не уступает равному себе, кто хорошо относится к более сильному, кто по отношению к более слабому проявляет умеренность» (V, 11, 4).

Соответственно, «похвалы достойны те люди, которые, по свойству человеческой природы, устремившись к власти над другими, оказываются более справедливыми,

чем могли бы быть по имеющейся в их распоряжении силе» (I, 76, 3).

Стоит отметить, что эти ссылки древнегреческого историка на свойства человеческой природы в анализе причин вооруженных конфликтов иногда трактуются некоторыми специалистами как основание считать его взгляды поверхностными.

Так, например, утверждается, что «Фукидид, умеющий давать глубокие и правильные объяснения конкретных исторических событий, в своих теоретических взглядах на исторический процесс не идет дальше выведения его из «свойств человеческой природы», то есть из психологии...»¹⁴.

С такой интерпретацией трудно согласиться. Фукидид действительно настаивает на неизменных свойствах человеческой природы, в чем, собственно говоря, скорее всего, нет большой ошибки. Во всяком случае, пока еще не доказано обратное. Еще важнее то, что в своем фактическом объяснении «истинных причин войны, а не поводов к ней» он идет значит дальше психологии. По существу, как было показано выше, говоря о нарушении баланса сил, как о главной причине Пелопонесской войны, он выходит за рамки психологии, подчеркивая, системный характер «поводов к ней» и предвосхищая в этом многих современных исследователей.

Существуют и такие интерпретации трактовки Фукидидом причин войны, которые носят выраженный идеологический характер. Заявляя, что по Фукидиду войны начинаются из-за субъективно воспринимаемых обид, некоторые комментаторы делают на этом основании вывод о том, что основной причиной Пелопонесской войны стала наряду со страхом, еще и зависть Спарты перед гегемонией Афин

как лидера политической, культурной и экономической древнегреческой демократии. Поэтому для того, чтобы одержать победу, афинская армия, якобы «должна была разгромить в решающей битве войска противника, штурмом взять Спарту и освободить рабов»¹⁵.

Надо ли говорить о том, насколько далека подобная интерпретация как от действительности афинской демократии, так и от анализа Фукидида?

Как справедливо отмечает Д.В.Храмцев, если Спарта была одним из наиболее консервативных и политически отсталых греческих полисов, то и афинская политическая система, сложившаяся в результате демократических реформ Солона, Клисфена и Перикла, самая передовая для Греции того времени, была демократией для меньшинства населения. Из нее были исключены не только рабы, не имевшие даже элементарных человеческих прав, но и метеки*, даже если они жили в Аттике на протяжении нескольких поколений¹⁶.

Другие специалисты с неменьшим основанием подчеркивают, что внешняя политика Афин при Перикле, который выражал интересы рабовладельческой демократии, была политикой захватов и находилась в теснейшей связи с развитием греческого рабовладельческого способа производства в целом и с развитием афинского государства в частности¹⁷. Поэтому, конечно, ни о каком освобождении рабов Афины не помышляли.

Афинскую демократию не стоит идеализировать, поскольку она представляла собой не простое управление подчиненными ей полисами, а империю, которая являлась, по выражению

Перикла, не чем иным, как «тиранией»¹⁶. Не случайно и сам Фукидид, беспристрастность которого не исключала его демократических предпочтений и восхищения Периклом, не одобряет сторонников последнего – демагогов, как и радикальной демократии, которой тот придерживался.

Выше уже отмечалось, что, будучи далеким от идеологических иллюзий, Фукидид описывал как в ходе войны в городах «вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главари олигархов – лакедемонян» и такой «междоусобной борьбой были охвачены теперь все города Эллады» (III, 81).

При этом «... демократы принялись убивать в городе тех из своих противников, кого удалось отыскать ... В течении семи дней ... демократы продолжали избивание тех сограждан, которых они считали врагами, обвиняя их в покушении на демократию, в действительности же некоторые были убиты из личной вражды, а иные – даже своими должниками из-за денег, данных ими в долг» (III, 81, 2–4).

Разумеется, было бы, по меньшей мере, наивно считать, что Фукидид оставил нам в наследство исчерпывающее объяснение причин вооруженных конфликтов. Но можно с полным основанием утверждать, что их осмысление, безусловно, облегчается благодаря тому вкладу, которое великий древнегреческий историк внес в такое осмысление.

Оценивая этот вклад из XXI в., можно с уверенностью утверждать, что при всех достаточно значительных изменениях, которые произошли и продолжают происходить в картине международных отношений, она сохраняет и определенную преемственность с точки зрения содержания основных проблем.

* Метеки – в древней Греции чужеземцы, а также рабы, отпущенные на волю, лично свободные, но они не имели политических прав.

Возникшие за последние десятилетия многочисленные транснациональные акторы при всем росте их влияния остаются второстепенными по сравнению с государствами игроками на международной сцене. Государства не исчезают, наоборот наблюдается тенденция к росту их числа и значения в мировых делах, что убедительно подтверждается в условиях нынешнего финансового и экономического кризиса. Суверенитет не отмирает, изменяется только его структура (комбинация легального, вестфальского, внутреннего и взаимозависимого суверенитетов).

Главные проблемы, составляющие предметное поле теории международных отношений, остаются вполне актуальными: это их природа, вопросы безопасности, конфликты, стратегии, соотношение сил... Все это – проблемы межгосударственных взаимодействий, хотя, разумеется, по мере углубления процессов глобализации, их содержание во многом меняется. Изменяется и характер угроз, среди которых все большее значение приобретают транснациональный терроризм и распространение ОМУ. Новые элементы возникают в структуре силового потенциала. Однако миром по-прежнему правят великие державы, государства не перестают вооружаться и, в конечном счете, международные отношения развиваются, говоря словами Р.Арона, «под сенью войны».

Проходят исторические эпохи, века и тысячелетия. Исчезают и появляются новые народы, города и цивилизации. Сменяют друг друга формы политической организации общества, способы и методы правления. Совершенствуется демократия, обогащаются ее принципы. Создаются международные институты и режимы, развивается международное право, появляются элементы глобального управления...

Однако нравственная природа человека и особенно моральное значение

политических действий, фактически, не претерпели существенных изменений.

Обладание превосходящей военной силой по-прежнему вызывает ощущение собственной неуязвимости и подталкивает к ее использованию при малейшем удобном случае. Недавние новации в этой области – «мягкая сила» и «умная сила» (соответственно, *soft power* и *smart power*) не вытесняют из политического оборота «жесткую силу» и не ставят задачу заменить собой изощренные способы и средства прямого физического насилия, а служат все той же цели – увеличению могущества и продвижению державных интересов.

Самые «передовые демократии», претендующие на моральное совершенство, если не на нравственное превосходство, легко оправдывают жестокость собственных действий по отношению к другим государствам и народам некими высшими соображениями и минимальными военными потерями... среди своих представителей. Либеральные демократы проделывают эволюцию от осуждения всякого вооруженного насилия к его применению по любому поводу, который кажется им достаточно значительным.

Жестокость, проявляемая людьми, независимо от их политических взглядов и партийных ориентаций, в современных вооруженных конфликтах, не уступает зверствам тысячелетней давности или средневековья, а новые, изощренные средства насилия делают их еще более ужасными, чем прежде.

Международные институты, созданные для предупреждения и умиротворения вооруженных конфликтов, испытывают кризис из-за нежелания великих держав поступиться интересами и изменить свою внешнюю политику. В международном праве война трактуется как «незаконное действие», но войны продолжают.

Устные соглашения государственных деятелей (например, по поводу нерасширения военного блока НАТО) без колебаний нарушаются одной из сторон как только другая ослабевает. Юридически обязывающие нормы внешнего суверенитета не соблюдаются, а «гуманитарные интервенции» оборачиваются бомбардировками мирного населения.

Незначительная часть человечества, «золотой миллиард», и даже несколько десятков отдельных индивидов обладают такими богатствами, которых хватило бы на то, чтобы избавить наиболее бедную и нуждающуюся часть населения Земли от голода, низкой продолжительности жизни и детской смертности. Но изменение этой картины даже трудно себе представить. Богатые государства предпочитают ограничиваться сравнительно мелкими подачками на фоне лицемерной демагогии о необходимости увеличения помощи слабо развитым странам, а с другой стороны – об ответственности этих стран за распространение вооруженных конфликтов.

Поразительные открытия в области нанотехнологии и геномной инженерии сулят невиданный прорыв в деле увеличения продолжительности жизни человека и избавления его от тяжелых болезней. Можно, однако, не сомневаться, что это еще больше углубит неравенство возможностей между странами, регионами и отдельными людьми, создавая дополнительные поводы для вооруженных конфликтов.

Следует отметить, что античный историк не оставил нам своего мнения о путях преодоления войны, а тем более – способах достижения длительного и прочного мира. Он видел свою задачу в другом – в точном описании событий, предшествовавших войне, и выявлении на этой основе тех глубинных причин, которые к ней привели.

Но, как известно, знание причин событий дает возможность сознательного влияния на них для предотвращения их неблагоприятного развития в будущем, или же избежания их нежелательных последствий, когда вероятность такого влияния невелика, либо отсутствует.

Связанная с объективными качествами, изначально присущими человеку – такими как агрессивность, корысть и страх – угроза войны, усиливаемая соображениями интересов, безопасности и престижа государства, по существу, неистребима. И вместе с тем она не фатальна, по крайней мере, в ее наиболее жестоких и разрушительных проявлениях.

Умеренность и осторожность в международной политике; соблюдение договоров и соглашений; сохранение справедливого равновесия сил; отказ от внушающего соседям страх стремления к превосходству в могуществе и от принуждения с этой целью к союзу с собой более слабых; забота о недопущении внутренних распрь и наиболее радикальных (однопартийных) форм государственного правления – вот, собственно, те уроки для сохранения международной безопасности, которые вытекают из анализа Фукидида.

Уже относительно недавние стратегические исследования дополнили этот анализ обоснованием необходимости создания структур коллективной безопасности, подкрепляемых системой международных институтов, совершенствованием международного права, предусматривающего ответственность за нарушение его норм, расширением многообразия и сфер действия международных режимов, усилением мер взаимного доверия между государствами.

Несоблюдение этих правил или же стремление выстроить мирные отношения в международной политике на основе одних только идеалов и представ-

лений о наилучшем общественном устройстве государства и мира всегда приводило к нарушению стабильности и кровавым конфликтам.

«Объединение человечества в единое государство» как путь к преодолению вооруженных конфликтов, а тем самым – к изменению самой сути международных отношений, остается сегодня столь же далекой перспективой, как и много лет назад. А это значит, что анализ древнегреческим историком причин вооруженных конфликтов между государствами остается все еще актуальным.

Можно с уверенностью сказать, что античный мыслитель не ошибся: выдвинутые им два с половиной тысячелетия назад положения, касающиеся проблем межгосударственных вооруженных конфликтов, стали серьезным вкладом в теорию международных отношений, не утратившим своего значения и в условиях современной мировой политики.

Поэтому Фукидид имел полное основание сказать: «Быть может изложение мое, чуждое для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем, могущем, по свойству человеческой природы, повториться когда-либо в будущем в том же самом или в подобном виде. Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки» (1, 22, 4).

Примечания

- ¹ *Най Дж.* Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 12.
- ² *Давид Д.* Война ушедшая, война вернувшаяся. Индивид в стратегических исследованиях // *Индивиды в международной политике.* Пер. с фр. М.: МПА, 1996. С.185–202.
- ³ *Арон Р.* Мемуары. М.: Ладомир, 2002. С. 497
- ⁴ *Battistella D.* Théories des relations internationales. Paris, 2008. P. 46, 52.
- ⁵ *Фукидид.* История. М.: Ладомир, 1999.
- ⁶ <http://www.greece-info.ru/historygreece/history/pelopones/reasons.html>
- ⁷ *Dufour J.-L.* Quel avenir pour la guerre? Actualité et perspectives des conflits armés // *Le trimestre du monde.* 3e trimestre 1996. Dossier Théorie et pratique de la conflictualité dans le relations internationales. P. 26–30.
- ⁸ *Паяр К.* Возможен ли вечный мир? // <http://magazines.russ.ru/authors/p/payar/>
- ⁹ *Най Дж. (мл.).* После Ирака: мощь и стратегия США // *Россия в глобальной политике.* 2003. № 3. Июль – Сентябрь.
- ¹⁰ *Кортунов С.В.* Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М.: ГУ ВШЭ, 2009. С. 107.
- ¹¹ *Attali J.* Ligne d'horizon. Fayard, 1990. P.128.
- ¹² *Salaté G.* Appels d'empire, ingérences et resistences à l'age de mondialisation. Fayard, 1996. P.106.
- ¹³ *Смирнитский С.А.* Причины, сущность и проявления кризиса полиса в Элладе http://zhurnal.lib.ru/s/smirnitskij_s_a/history2.shtml
- ¹⁴ *Тронский И.М.* История античной литературы: Историография // <http://www.sno.pro1.ru/lib/tron/1-2-3-1.htm>
- ¹⁵ *Вольский В.* Уроки истории: древнегреческий историк об иракской войне // http://volsky.us/archive/historical_truth/lessons_of_history.html
- ¹⁶ *Храмцев Д.В.* Значение греко-персидских войн // http://zhurnal.lib.ru/h/hramcew_d_w/346.shtml
- ¹⁷ <http://greece-info.ru/historygreece/history/pelopones/reasons.html>